

УДК 78.08:801.81

Владимир Сергеевич Чураков
ИИЯЛ УрО РАН
г.Ижевск, к.и.н.

РАБОТА Н. Г. ПЕРВУХИНА НАД ЦИКЛОМ
«ЛЕГЕНДЫ О БОГАТЫРЯХ ДОНДИНСКОГО КРУГА»¹

Автор впервые в исторической практике обращается к подробному текстологическому анализу рукописи неопубликованной книги учёного. Сравнение рукописи с опубликованными текстами Первухина, в сочетании с привлечением широкого круга фольклорных и исторических источников позволяет сделать вывод о том, что тексты, которые до сегодняшнего дня принято было считать образцами удмуртского героического эпоса, в реальности представляют собой компиляции многих сказок и легенд и являются авторскими произведениями Н.Г.Первухина.

The COLLECTION of " THE LEGENGs ABOUT MIGHTY HEROES"
GATHERED by N.G. PERVUKHIN
Vladimir Churakov

The author is the very first researcher who is turning to analysis of the manuscript of unpublished book by N. G. Pervukhin. Comparison of the mentioned manuscript to available published texts by N. G. Pervukhin along with application to wide range of folklore and historic sources brings the author to conclusion that the texts known as heroic epos of the Udmurt folk actually present compilations of legends and fairy tales, so they should be treated just as fiction works by N. G. Pervukhin.

В плеяде собирателей удмуртского фольклора последней четверти XIX в. выделяется фигура Николая Григорьевича Первухина (1850 – 22.12.1889)², трудами которого за не полные четыре года, в течение которых он исполнял служебные обязанности инспектора народных училищ Глазовского уезда Вятской губернии (с 11 апреля 1885 г.), был собран богатейший материал по археологии, этнографии и фольклору народов глазовского края и, прежде всего, удмуртов. Значительная часть научного наследия Н.Г.Первухина была переиздана в наши дни в электронном виде [Коробейников, Волкова 2007].

Особое место в научном наследии Н. Г. Первухина занимает опубликованный им на русском языке в составе IV выпуска его знаменитых «Эскизов

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и технологическим трансформациям», проект «Финно-угорский мир периферии Волжской Булгарии».

² С подробной биографией Н. Г. Первухина можно ознакомиться в статье Л. А. Волковой «Краевед и просветитель» [Волкова 2007].

преданий и быта инородцев Глазовского уезда» цикл «*Легенды о богатырях Дондинского круга*» [Первухин 1889:8-12], привлекавший в последующем практически всеми исследователями в качестве иллюстрации к ранней, не попавшей на страницы письменных источников, истории удмуртов чепецкого бассейна. После обнаружения в 1966 г. удмуртским исследователем Ф. К. Ермаковым в рукописном фонде Ленинградской государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина чернового текста стихотворного сочинения М. Г. Худякова, получившего в удмуртском литературоведении условное название «*Песнь об удмуртских батырах*», стало известно, что уже в начале XX в. опубликованные Н. Г. Первухиным «*Легенды...*» были использованы начинающим русский историком при создании в подражание «*Калевалы*» и «*Песни о Гайавате*» [Napolskikh 2003] поэтического произведения по мотивам удмуртских (и не только!³) преданий, в котором одна из глав получила название «*Песня о героях рода Донды*»⁴. Всяческая популяризация сюжета о богатырях «*Дондинского круга*» в историко-археологических и фольклорных исследованиях, публикация «эпоса» М. Г. Худякова в 1986 г., наконец, недавний выход в свет его вольного удмуртского перевода [Худяков 2004], не могли не сформировать как у профессиональных исследователей, так и у многих жителей Удмуртии представления, что «*Легенды о богатырях Дондинского круга*» являются оригинальным образцом устного народного творчества северных удмуртов, в котором в фольклоризированном виде отражены исторические реалии периода существования городищ *Чепецкой археологической культуры* (IX-XIII вв.).

Между тем, как мы полагаем, есть все основания рассматривать «*Легенды...*» в качестве авторского сочинения Н. Г. Первухина, в котором исследователь, обладавший поэтическими наклонностями⁵, искусственно объединил несколько близких по тематике, но первоначально никак не связанных друг с другом фольклорных сюжетов. Впрочем, и это необходимо непременно отметить, Н. Г. Первухин не старался скрыть компилятивный характер опубликованного произведения⁶, однако, по-видимому, был твердо убежден в том, что

³ Например, заключительная (десятая) глава («*Песня о будущем*»), рисующая в весьма мрачных тонах грядущую перспективу удмуртов и по этой причине не опубликованная при советской власти [Худяков 1986] (впервые издана лишь в 1997 г., см.: [Васильев, Шибанов 1997:301-302]), основывается на преданиях обрусевших коми-пермяков Пермской губернии, записанных в 60-х гг. XIX в. Н. Н. Блиновым [Блинов 1865:237].

⁴ Вслед за М. Г. Худяковым сюжет «*Легенд...*» был использован и другими *эпосотворцами*. В 1997 г. был опубликован «эпос» А. А. Перевозчикова «*Донды-батыр*», а в период написания настоящей статьи в свет вышел очередной авторский «эпос» удмуртов «*Тангыра*» М. Г. Атаманова, в котором повествование «*Легенд...*» обогатилось весьма занимательными, лишенными какой-либо фольклорной основы, подробностями.

⁵ С поэтическими опытами Н. Г. Первухина можно познакомиться в работе Л. А. Волковой «*Краевед и просветитель*» [Волкова 2007].

⁶ Слово *легенды*, введенное Н. Г. Первухиным в заголовок так называемого *Дондинского цикла*, уже свидетельствует о компилятивном характере опубликованного текста. Собственно, поэтому Н. Г. Первухин и не сообщает о конкретном месте, где им были записаны «*Леген-*

собранные им предания напрямую связаны с чепецкими городищами и являются частями единого цикла, «центром которого служит какой-то мифический богатырь Донды» [Первухин 1896:53].

В своей предыдущей работе [Чураков 2007а] мы уже обращали внимание на то, что в структуре «Легенд...» четко выделяются три части. Первая из них представляет собой подвергнувшийся определенной художественной обработке текст простого по слогу, явно переведенного с удмуртского оригинала (в публикации встречаются в качестве пояснений удмуртские слова), эпического предания «Идна-батыр», записанного Б. Г. Гавриловым в начале 1870-х гг. в с. Верхнепарзинском Глазовского уезда Вятской губернии [Гаврилов 1880:152-154]. Вторая часть включает в себе типологически схожие локальные топонимические предания о соперничестве неких деперсонифицированных *иднакарских, дондыкарских, гурьякарских, весьякарских, эбгакарских, чибинькарских* и т. д. богатырей [Первухин 1889:9-10]. Наконец, в третьей части, призванной объединить предыдущие две в целостное повествование, рассказывается о трагической судьбе семейства богатыря *Донды*, в которое входили его сыновья *Гурья, Идна, Весья* и *Зуй*, а также жена одного из сыновей *Донды* – *Эбга* и ее сын *Чибинь* [Первухин 1889:8, 10, 11-12]. Как нетрудно заметить, в преданиях, легших в основу этой части «Легенд...», в качестве имен действующих лиц выступают основы соответствующих топонимов (удм. *кар* 'город').

В предлагаемой работе мы намереваемся детально рассмотреть процесс работы Н. Г. Первухина над составлением **сводного** текста «Легенд о богатырях *Дондинского круга*», преследуя, прежде всего, две цели: во-первых, определить круг фольклорных источников, которыми пользовался публикатор, а во-вторых, выявить степень его авторского вмешательства в их структуру и содержание. В этом нам поможет рукопись Н. Г. Первухина «Краткий очерк кладовищ, встречающихся в Глазовском уезде Вятской губернии и находок, сделавшихся здесь известными», написанная в течение лета-осени 1886 г.⁷ и хранящаяся в настоящее время в фондах Государственного архива Кировской области [Первухин 1886]. Это сочинение, в котором уже можно проследить структуру будущих «Легенд...», по признанию его автора, было составлено «для напечатания в каком-либо местном органе» и заключало в себе «не столько сведения важные для археологии, сколько разные предания и рассказы, придававшие статье интерес беллетристический» [Первухин 1896:18]. Ценность этого неопубликованного труда заключается в том, что здесь, в отличие от последующих работ, Н. Г. Первухин весьма тщательно указывает имена тех лиц, от которых он получал

ды...» в том виде, в котором они представлены в «Эскизах», хотя при публикации других фольклорных произведений он всегда указывал районы их фиксации.

⁷ В тексте статьи на стр. 73 читаем: «в июне настоящего 1886 г.», а на стр. 28 имеется указание, что в момент написания статьи раскопки на бalezинском *Чертовом городище* были отложены «до окончания полевых работ». Сканированный текст рукописи был получен для исследования от А.В.Коробейникова.

интересовавшую его информацию. Позднее, во второй половине 1888 г.⁸, с учетом замечаний и пожеланий членов Московского археологического общества [Первухин 1896:18], на основе этой рукописи с привлечением новых данных, полученных в ходе археологических исследований, проводившихся Н. Г. Первухиным в Глазовском уезде в 1887-1888 гг. по поручению упомянутого общества, им была подготовлена статья «*Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии*». Опубликована она была уже после смерти автора во втором томе «*Материалов по археологии восточных губерний России*» [Первухин 1896]. Несмотря на то, что, как пишет Н. Г. Первухин, ему пришлось «совершенно изменить первоначальный характер сообщения» и сосредоточиться главным образом на археологическом описании известных ему городищ [Первухин 1896:18], в этой статье все же нашлось место для отдельных преданий, некоторые из которых отсутствовали в предыдущей работе и, следовательно, были зафиксированы исследователем позже 1886 г. Наконец, примерно в то же время, но не ранее конца лета 1888 г.⁹, Н. Г. Первухин закончил работу над составлением IV выпуска своих «*Эскизов...*», в который и вошло интересующее нас произведение [Первухин 1888:8-12]. Сравнение материалов всех указанных работ и даст нам возможность проследить процесс работы Н. Г. Первухина над каждой из указанных частей сводного текста «*Легенд о богатырях Дондинского круга*».

Часть I.

Данная часть «*Легенд...*», как уже отмечалось, основывается на записанном в 1873 или в 1874 г. Б. Г. Гавриловым в с. Верхнепарзинском (удм. *Чебершур*) Ключевской волости Глазовского уезда Вятской губернии сказании «*Идна-батыр*», которое было опубликовано им в составе сборника «*Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний*» в 1880 г. [Гаврилов 1880:152-154]. Это небольшое фольклорное произведение, организованное в соответствии с возможной комбинацией мотивов¹⁰, характерных для удмуртских эпических преданий [подробнее см.: Напольских 2008], являет собой рассказ о некоем богатыре *Идне*, захотевшем стать «царем над вотяками в своей стороне». Схожее повествование и, пожалуй, даже более полное, если в качестве критерия «полноты» рассматривать количество ис-

⁸ На то, что статья была завершена в 1888 г. указывает информация, содержащаяся в ее «Дополнении» [Первухин 1896:120] См. также следующее примечание.

⁹ В «*Легендах...*» упоминается местность *Иднакар дзеги* (удм. *Иднакар жезы*), о которой, по словам самого Н. Г. Первухина, ему стало известно только в конце лета 1888 г. [Первухин 1896:53, 111].

¹⁰ Одним из распространенных в удмуртских эпических преданиях является мотив охоты на клестов. Интересно в связи с этим привести цитату из наблюдений испано-арабского путешественника XII в. Абу Хаида ал-Гарнати, который зимой 1136(37) г. в Булгаре общался с выходцами из области Ару (территории проживания удмуртов). Ал-Гарнати пишет следующее об употреблении местным населением в пищу клестов, тушки которых поставлялись на рынки Булгара: «*Мясо этой птицы помогает от камней в почках и мочевом пузыре. Его привозят вяленным, нарезанным маленькими кусочками*» [Путешествие 1971:35].

пользуемых в нем мотивов, позднее (очевидно между 1884 и 1886 гг.¹¹) было записано Г. Е. Верещагиным у удмуртских крестьян Павла Михайлова и Петра Иванова, жителей починка Арланова (удм. *Арлангурт*) Шарканской волости Сарапульского уезда Вятской губернии. Однако, по всей видимости, верещагиновский вариант предания об Идна-батыре Н. Г. Первухину остался неизвестен. Во всяком случае, следов его влияния на «Легенды...», опубликованные двумя годами позже выхода в свет книги Г. Е. Верещагина, не наблюдается¹².

Уже в статье «Краткий очерк кладовищ...» Н. Г. Первухин передает содержание опубликованного Б. Г. Гавриловым фольклорного произведения своими словами, стараясь, впрочем, придерживаться оригинала. Единственное, что обращает на себя внимание, – это то, как Н. Г. Первухин воспринимает невнятно реализованный в легенде «Идна-батыр» мотив способности героя передвигаться с большой скоростью, оцениваемой сравнением времени, за которое богатырь преодолевает значительное расстояние, со временем, в течение которого не успевает остыть захваченный им из дома горячий хлеб:

вариант мотива по Гаврилову: «на охоту ходил он (Идна – В.Ч.) верст за 25 и, уходя каждый день из дома, брал прямо из печки горячий каравай хлеба и, уложивши его в пазуху, шел на место охоты» [Гаврилов 1880:153]

пересказ Первухина: «Отлучаясь ежедневно из дома (на охоту – В.Ч.) он (Идна – В.Ч.) съедал (выделено нами – В.Ч.) по целому караваю хлеба, который горячим, прямо из печки, клал за пазуху и уносил с собою» [Первухин 1886:50]

вариант мотива по Верещагину: «Ездили они (Идна с братом – В.Ч) весьма быстро на хороших богатырских конях, так что взятый из печи при отъезде и положенный за пазуху горячий хлеб по приезде на Севож еще не простывал» [Верещагин 1886:106].

Хорошо видно, что в интерпретации Н. Г. Первухина рассматриваемый мотив окончательно деградировал, превратившись в малозначимую «бытовую подробность», которой уже не находится места ни в «Опыте археологического исследования...», ни в «Легендах...».

Следующий этап работы Н. Г. Первухина со своим первоисточником нашел отражение только в «Легендах о богатырях Дондинского круга». Здесь он значительно смелее, нежели в неопубликованной статье, идет на изменение слога записанного Б. Г. Гавриловым рассказа, стараясь придать фактически подстрочному переводу более «литературный» и «развернутый» вид. О степени

¹¹ К этому выводу мы приходим на том основании, что в первом издании труда Г. Е. Верещагина «Вотяки Сосновского края» (1884 г.), которым пользовался Н. Г. Первухин [Первухин 1886:2], предания об Идна-батыре отсутствуют, тогда как в дополненном и переработанном втором издании (1886 г.) они есть [Верещагин 1886:105-107].

¹² Для того, чтобы читатель смог самостоятельно оценить результаты работы Н. Г. Первухина со своим источником, в конце нашего анализа этой части мы приводим полные тексты эпических преданий, которые были записаны Б. Г. Гавриловым и В. Е. Верещагиным, а также два варианта пересказа Н. Г. Первухиным гавриловского предания.

переработки Н. Г. Первухиным фольклорного текста можно судить хотя бы по следующим примерам:

вариант Гаврилова: *«Он (Идна – В.Ч.) был богатырь...Занятия Идны состояли в том, что он ежедневно ходил на охоту на золотых лыжах»* [Гаврилов 1880:152-153].

вариант Первухина: *«Идна, не смотря на свой княжеский сан, жил очень просто, с одною бабою, в простой квале, и ежедневно ходил на охоту, причем зимою отличался от прочих охотников тем, что надевал не деревянные, а золотые лыжи»* [Первухин 1888:10].

вариант Гаврилова: *«(Идна – В.Ч.) выстрелил из лука в четыре стороны с заклятьем, чтобы во всех сторонах, куда полетят его стрелы, его впоследствии поминали»* [Гаврилов 1880:153].

вариант Первухина: *«(Идна – В.Ч.) взял самый большой лук, четыре раза натягивал его как можно туже и выпустил 4 стрелы на четыре стороны света, сказав при этом: «Пусть имя мое будет вечно известно и пользуется уважением внутри того места, которое я обстрелял своими стрелами!»* [Первухин 1888:10].

Однако самое примечательное вмешательство Н. Г. Первухина в содержание эпического предания связано с изменением его хронологии. Так, если в записи Б. Г. Гаврилова сообщается, что Идна-батыр, гордившийся своей силой (sic!), жил в то время, когда чепецкие земли уже принадлежали «белому (русскому) царю» [Гаврилов 1880:153], то согласно Н. Г. Первухину, богатырь лишь в «преклонном возрасте» (sic!) узнает, что «скоро придут русские» [Первухин 1888:10]. Вполне очевидно, что такая корректировка исследователю удмуртского фольклора была необходима для того, чтобы попытаться увязать как это, так и другие собранные им местные предания (см. ниже анализ II и III частей «*Легенд...*») со временем существования соответствующих археологических памятников, изучению которых он посвятил последние годы своей жизни. Безусловно, свою роль сыграла и хорошо известная Н.Г.Первухину «*Повесть о стране Вятской*», относившая время появления русского населения на Вятке к XII в. С момента обнаружения этого литературного произведения в первой трети XVIII в. и вплоть до конца XIX столетия, когда появились первые критические работы, затрагивавшие вопрос происхождения «*Повести...*»¹³, у исследователей прошлого Вятки содержащиеся в ней сведения о начальном этапе освоения русскими Прикамья не вызывали сомнений. В частности, доверием пользовалось

¹³ Только в 90-е гг. XX столетия американскому исследователю Д. Уо удалось аргументировано установить автора «*Повести...*», коим оказался дьяк Богоявленского собора г. Хлынова С. Ф. Попов, и годы ее создания (между 1706-1710 гг.). Кроме того, Д. Уо обнаружил основной источник, которым пользовался С. Ф. Попов во время работы над «*Повестью...*» – «*Сказание о вятчанех*» – анонимное сочинение, написанное не ранее конца XVI в. (упоминается Сарапул) [Уо 1997].

сообщение «*Повести...*», согласно которому в 1181 г. новгородцы «дошедше реки Чепцы и вниз по ней пловуще, пленяючи отяцкие жилища, и окруженные земляными валами ратию вземлюще и обладающе ими» [ПСВ 1905:28-29].

Определив, чем был мотивирован «хронологический сдвиг», необходимо, тем не менее, задаться вопросом: а является ли предложенная Н. Г. Первухиным **датировка** фольклорного произведения уместной? И здесь, с позиций наших современных знаний, возможен только отрицательный ответ. Во-первых, бассейн Чепцы, запустевший в XIII столетии, стал осваиваться удмуртами не ранее конца XV в. [подробнее см.: Чураков 2007б] и, следовательно, предки информантов, у которых были записаны все интересующие нас образцы устного народного творчества, к создателям городищ Чепецкой археологической культуры никакого отношения не имели. Во-вторых, во всех не связанных непосредственно с соответствующим топонимом преданиях (это собственно записи Б. Г. Гаврилова, Г. Е. Верещагина и Д. И. Корепанова¹⁴), где фигурирует *Идна*, события, участником которых он был, однозначно относятся к периоду, когда удмуртский край уже входил в состав Русского государства. В-третьих, само имя богатыря *Идна*, являющееся более поздним производным от *Игна*¹⁵, восходит к церковному имени *Игнатий* (*Игнат*). Первые документальные свидетельства о принятии православия удмуртами восходят к 1557 г. [Документы 1958:353], однако нет никаких сомнений в том, что даже в начале XVIII в. большинство удмуртов, в том числе и чепецких, не было крещено [Луппов 1901:55-89]. На-

¹⁴ В 1911 г. Д. И. Корепановым у жителя д. Малый Казес (удм. *Вортча*) Шарканской волости Сарапульского уезда Вятской губернии Григория Яковлевича Баранова было записано предание «*Эштэрэк*», в котором также упоминается *Идна* [Корепанов 1934:65]. События предания разворачиваются не ранее XVI в. Более того, один из его персонажей – Ожмег – был, согласно рассказам местных жителей, зятем некоего Бехтемира [Верещагин 1995:108], который, в свою очередь, оказался учтенным в материалах дозора 1615 г. [Документы 1958:189]. Еще в конце XIX в. крестьяне ряда смежных деревень Шарканской волости хорошо помнили, кто из них произошел от Бехтемира – основателя д. Бехтемир-Пурга (удм. *Ляльшур*), а кто от Ожмега [Верещагин 1886:105].

¹⁵ Наиболее ранние упоминания о богатыре *Идне* передают его имя в форме *Игна*. Около 1838 г. глазовским миссионером И. Стефановым возле урочища (деревни?) Паскотино (по всей видимости, оно располагалось где-то между дд. Азамай и Коротай современного Глазовского р-на Удмуртии. К такому выводу мы приходим на основании следующего: жителям указанных деревень известен лог с таким названием (удм. *Поскотня*) [Карпова 2005:162, 192], как раз в этом районе, согласно рапорту епископа Нила от 14 апреля 1838 г., осуществлял свою миссионерскую работу И. Стефанов) было «истреблено капище *Игна-батыря*» [Луппов 1911:80]. В 1865 г. в статье Н. Н. Блинова, описывающей Карсвайскую волость, сообщалось: «Есть у них (удмуртов – В. Ч.) смутное представление о Шайтане и его помощниках Керемете и *Игна-батыре* (*Игнашке-богатыре*, как объясняют они по-русски)» [Блинов 1865:219]. Н. Г. Первухин первоначально называл соответствующее городище «*Игна-кар=Игнатов город*» [Первухин 1886:29, 50], так же поступал и А. А. Спицын: «*Игна-кар*» [Спицын 1890:104]. По-видимому, переход формы *Игна* в *Идна* происходил в конце XIX в.: Б. Г. Гаврилову был знаком только вариант *Идна*. В современных северных говорах удмуртского языка имя *Игнат* бытует в форме *Иднатъ*. Происхождение названия деревни *Иднакар* (оф. д. Солдырь) жители д. Педоново (удм. *Педонгурт*) Глазовского района (рядом с дд. Азамай и Коротай) связывают с первопоселенцем *Игнатом* («*Иднатъ* вылэм») [Карпова 2005:206, 417].

конец, благодаря исследованиям американского ученого Д. Уо стало очевидным, что сам фрагмент «*Повести о стране Вятской*», в котором идет речь о «пленении» новгородцами «отяцких жилищ», расположенных на р. Чепце, был добавлен в первоначальный текст «*Сказания о вятчанех*»¹⁶ лишь в начале XVIII в. составителем «*Повести...*» С. Ф. Поповым [Уо 1997]. Надо полагать, что С. Ф. Попов сделал это под непосредственным влиянием бытовавших у вятчан преданий о «черемисских» бунтах периода Смуты, но никак не на основе воспоминаний о событиях пятисотлетней давности. Вполне возможно, что на Чепце предводителем одной из «воровских шаек», с которыми в лихое время междуцарствия приходилось бороться вятской администрации, мог быть некий Игнат, воспетый впоследствии в качестве «заступника за народ» удмуртскими сказителями¹⁷.

Таким образом, эпическое предание «*Идна-батыр*», записанное Б. Г. Гавриловым и положенное Н. Г. Первухиным в основу первой части «*Легенд о богатырях дондинского круга*», не только не имеет никакой связи с историей чепецких городищ (IX-XIII вв.), но, напротив, относится к довольно позднему времени, когда Вятско-Камский край уже находился в составе Русского государства. При этом с большой долей вероятности можно предполагать, что некий человек по имени *Игна(т)*, послуживший прототипом для героя предания, жил в конце XVI – начале XVII вв.

Вариант Б. Г. Гаврилова:

«Идна батыр жил в Глазовском уезде, в местности, где ныне находится деревня Иднакар (город, гнездо Идны). Он был богатырь. Из какого племени вотяков был Идна, из Калмезов или Ватка – неизвестно, только он был вотяк. Занятия Идны состояли в том, что он ежедневно ходил на охоту на золотых лыжах (зарни куас) <удм. зарни куас – В.Ч.>. Ружья у него не было, охотился стрелами (пукыш) <удм. пукых ‘лук’ – В.Ч.> и ловил силками (пыжни) <удм. пижны – В.Ч.> клестов. На охоту ходил он верст за 25 и, уходя каждый день из дома, брал прямо из печки горячий каравай хлеба и, уложивши его в пазуху, шел на место охоты. В одно время он взошел на возвышенное место, находящееся около Иднакара, и выстрелил из лука в четыре стороны с заклятием, что бы во всех сторонах, куда полетят его стрелы, его впоследствии поминали, что теперь и исполняют вотяки в виде кискона (возлияние) <удм. кискон – В.Ч.> в разных местах. Будучи очень силен, Идна возгордился своей силой и захотел быть царем над вотяками в своей стороне. Так как эта земля принадлежала Белому (русскому) царю, то царь рассердился на Идна-батыра и велел его

¹⁶ В «*Сказаниях о вятчанех*» говорится буквально следующее: «приидоша (новгородцы – В.Ч.) вверх Чепцы реки и ту жиша немного лет и по сем поплыша тою рекою вниз из Чепцы в Вятку». См. также прим. 13.

¹⁷ Схожий процесс фольклоризации позднее прошли и некоторые предания о «народном заступнике» или, с точки зрения властей, «воре», Камите Усманове, отряд которого действовал в XIX в. на территории современного Малопургинского р-на Удмуртии [Народные сказания 1940].

поймать. У Идны было три лошади – вороная, саврасая и пегая. Посредством этих необыкновенно сильных и выносливых лошадей Идна спасался от преследователей, делая станцию в 100-120 верст не кормя лошадей. Зная это, его преследователи, с целью покараулить его, старались узнать, куда он проедет, что им и удалось. Узнавши дорогу, по которой должен был ехать Идна, они подпилили мост через реку и сами засели в кустах. Когда Идна доехал до моста, то никак не мог принудить бывшую под собой вороную лошадь идти по мосту, поэтому принужден был пересесть на саврасую, саврасая тоже стала биться и не шла через мост. Идна пересел на пегую лошадь. Пегая тотчас же понесла его через мост, но на середине моста провалилась вместе с всадником. Что было тут с Идной – неизвестно, утонул ли он, или попался в руки врагов. Только проваливаясь на мосту, он воскликнул: пегой валватемаж вал¹⁸ т.е. пегая лошадь только тогда (заменяет) лошадь, когда нет лошади» [Гаврилов 1880:152-154].

Вариант Г. Е. Верещагина:

«Про богатыря Идну в Сосновском крае рассказывают так. Их было два брата. За Идной была жена вотячка, а за братом его меньшим – русская. Они ездили на Севож¹⁹ стрелять стрелами и ловить в ловушки-пижны клестов. Около Севожжа жили русские, враждовавшие с вотяками. Вотские богатыри, в том числе и Идна, ездили, между прочим, на Севож и для разведывания о закамских вотяках с целью защиты их в случае притеснения русскими. Ездили они весьма быстро на хороших богатырских конях, так что взятый из печи при отъезде и положенный за пазуху горячий хлеб по приезде на Севож еще не простывал. Итак, брат Идны приехал на Севож. Туда же в одно время приехали и русские с своим богатырем. «Дома ли брат твой Идна?» – спрашивает русский богатырь брата Идны. «Дома», – отвечает тот. «Давно ли ты из дому?» «Недавно», – и в доказательство справедливости своих слов вынимает из-за пазухи теплый хлеб, испеченный дома его женой. «Скажи Идне, что мы приедем к нему в гости²⁰, пусть нас ждет», – и при этом назначили время, когда их должен встретить Идна. «Ладно, скажу», – отвечает брат Идны. Наловивши клестов, брат Идны вернулся домой и передает брату слова русского богатыря. В назначенный день Идна приготовился ко встрече гостей и дожидается. Ждал, ждал Идна – богатыря нет. Рассердился он на своего брата и убил его. Между тем русский богатырь с своей дружиной уже вел военный совет за рекой Чепцой, через которую был так называемый поплавной мост, утвержденный на перекладинах. Жена брата Идны, вдова, узнала, что русский богатырь находится за Чепцой и ведет там совет с своей дружиной. Вот она из мести к Идне решила предать убийцу русскому богатырю, и, улучив время, ушла к богатырю и сказала, что

¹⁸ Искаженная удмуртская пословица: «Пегой вал валтэмлэсь вал».

¹⁹ Г. Е. Верещагин указывает, что так удмурты называют перевоз, бывший некогда около устья р. Вотки.

²⁰ «Приехать в гости» значило тогда у богатырей – приехать воевать, у разбойников – приехать грабить» (комментарий Г. Е. Верещагина)

воевать с Идной ему и думать нечего: он на коне летает как орел, силен как медведь, хитер как черт и что кони его один другого лучше. Если им хочется погубить его, – надо подпилить ночью перекладыны поплавного моста – и делу конец: тут он и попался; иначе нечего и думать с ним сражаться. Они так и сделали: ночью подпилили перекладыны моста и убрались от него. Идна, жаждущий битвы, не спал всю ночь. Утром, как только взошло солнце и разогнало с лугов туман, он сел на коня-гнедка и поскакал навстречу русскому богатырю; доехал до моста – конь остановился; рассердился на гнедка и отрубил ему голову; вернулся домой – сел на сивка и поехал; по мосту не пошел и сивко. Он отрубил и этому голову и вернулся домой. Взял лук и стрелы, сел на пегого коня и поехал. Пегий конь, как только доскакал до середины моста, начал тонуть. Тут Идна сказал: «Пеганая лошадь только за неимением лошади – лошадь». Услыхал это русский богатырь с своей дружиной и поймал Идну. Видя неминуемую смерть, Идна натянул лук, направил стрелу к одной из гор близ нынешнего села Бемезиля²¹ и сказал русскому богатырю: «Где упадет стрела, тут поставьте мне белоди²²». Сказав это, он пустил стрелу; русские увидели, куда упала стрела, и заметили место. Убили его русские, вынули из него внутренности, испекли на горячих углях сердце и печень; потом принесли несколько виц жимолости и начали его, Идну, проклинать, говоря: «Когда из жимолости будут делать чурки для пчел, тогда у вотяков пусть родятся богатыри». В заключение своих слов съели сердце и печень богатыря, а его самого сожгли. После этого русские пошли искать его стрелу; нашли ее на горе и на месте этой стрелы поставили столб и отправились восвояси. Прошли века – и столб на месте стрелы все тут, но от времени ушел далеко в землю. С тех пор у вотяков не стало богатырей. После убийства Идны мать его удалилась на остров Зариз-шор-муч²³. Она носила одежду шелковую, имела много посуды золотой и все это взяла с собой. Удаляясь на остров, она причитывала слова, но какие были ее слова – припомнить рассказчики не могут» [Верещагин 1886:105-107].

I вариант Н. Г. Первухина из архивной статьи «Краткий очерк кладовищ...»:

«Об Игна или Идна Борис Гаврилов записал в Парзинском приходе такое предание: Идна был вотяк и занимался тем, что ходил каждый день на золотых лыжах на охоту со стрелами и силком, иногда уходя от дому верст за 25-ть. Отлучаясь ежедневно из дома, он съедал по целому караваю хлеба, который горячим, прямо из печки, клал за пазуху и уносил с собою. Однажды он взошел на возвышенность близ Игна-кара и, выстрелив на все четыре стороны света, – произнес заклинание, чтобы всюду, куда полетели его стрелы, его всегда поминали вотяки. Действительно! И поныне вотяки разных местностей делают в

²¹ Здесь опечатка. Имеется ввиду с. Балезино (удм. *Узягурт*) – В. Ч.

²² «Столб, служащий памятником» (комментарий Г. Е. Верещагина).

²³ Весьма возможно, что представление об «острове» (удм. *шормуҷ*) результат переосмысления названия удмуртской деревни Заризь современного Глазовского р-на Удмуртии, которая расположена на берегу одноименной реки – удм. *зарезь* 'море'.

память об нем возлияния на землю. Будучи очень силен, Идна захотел быть царем над вотяками своей стороны, чем рассердил Белого – русского царя, которому принадлежала эта земля, и царь велел его поймать; но Идна долго спасался от преследователей, делая по 100 и даже по 120 верст без кормежки на 3-х своих чудесных лошадях: вороной, саврасой и пегой. Преследователи, чтобы поймать Идну, подпилили мост через реку, где, как они узнали, – Идна будет проезжать, а сами засели подле моста в кустах. Вороная лошадь Идны не хотела идти по мосту; тогда он пересел на саврасую, но и та не пошла на мост; только уже пегая помчалась и на середине вместе с всадником провалилась в реку. Утонул-ли тут Идна или попался в руки преследователей, предание об этом не говорит, но падая в воду Идна воскликнул: «Пегой вал вате меж вал!» [Первухин 1886:50-51].

II вариант Н.Г.Первухина из «Легенд о богатырях Дондинского круга»:

«Идна, не смотря на свой княжеский сан, жил очень просто, с одною бабою, в простой квале, и ежедневно ходил на охоту, причем зимою отличался от прочих охотников тем, что надевал не деревянные, а золотые лыжи. Когда он дожил до преклонного возраста, он вперед узнал, что скоро придут русские и, желая увековечить свое имя, произнес заклинание: взял самый большой свой лук, четыре раза натягивал его как можно туже и выпустил 4 стрелы на четыре стороны света, сказав при этом: «Пусть имя мое будет вечно известно и пользуется уважением внутри того места, которое я обстрелял своими стрелами!» Идна дожил до появления русских в крае и, как князь своего народа, долго вел с ними борьбу, скрываясь после неудачных битв в своем городе (Идна-каре), построенном на высокой возвышенности при впадении в Чепцу реки Пызена. Кроме этого города у него были и другие города, и он часто и без всякого страха переезжал из одного города в другой, благодаря своим 3-м лошадям: саврасой, вороной и пегой. Эти лошади были так сильны, что могли пробежать в одну упряжку до 200 верст без корма, и русским очень долго не удавалось его схватить. Но раз русские, узнав по какой дороге должен ехать Идна, подпилили бревна, на которых держался мост через одну реку, а сами сели засадой в кустах по берегу этой реки. Идна, действительно, вскоре прискакал к этому мосту на вороной лошади, но, подъезжая к мосту, лошадь почуяла вражеский запах, поняла грозившую Идне опасность и ни за что не захотела идти на мост. Идна долго бился с нею, потом пересел на саврасую лошадь, но и та также отказалась идти. Тогда Идна пересел на пегую лошадь, и эта лошадь, не имея чутья своих подруг, беспрекословно помчала его через мост, который разрушился прежде, чем Идна успел доскакать до середины. Схватили ли Идну русские или он утонул в реке, неизвестно, но этот случай дал вотякам повод составить пословицу (пояныне ими употребляемую), что «пегая лошадь может считаться лошадью только при неимении других лошадей» (Пегой вал валтэмлэсь вал)» [Первухин 1888:10-11].

Часть II.

Эта часть «*Легенд о богатырях Дондинского круга*» повторяет, только в более развернутом виде за счет привлечения дополнительных фольклорных материалов, композицию из рукописи «*Краткий очерк кладовищ, встречающихся в Глазовском уезде Вятской губернии*» [Первухин 1886:51-52]. Как уже отмечалось, здесь объединены различные предания о неких деперсонифицированных богатырях, именуемых по названию того или иного городища, в отношении которого ведется рассказ. Иными словами, в данном случае мы имеем дело с топонимическими преданиями, в которых отражено представление местного населения об «истории» соответствующих археологических объектов.

Для удобства анализа работы Н. Г. Первухина над содержанием этой части опубликованного им произведения, мы посчитали необходимым составить предлагаемую ниже сводку, в которой курсивом представлен полный текст второй части «*Легенд...*», разбитый на ряд смысловых блоков. После каждого такого блока обычным шрифтом указан источник соответствующего компонента блока и наш комментарий. При цитировании пересказанных Н. Г. Первухиным преданий в квадратные скобки мы сочли необходимым заключить те фрагменты текста, которые рассматриваются нами в качестве его авторских ремарок.

* * *

1.1. «В тех местах, где они (князя – потомки Донды – В.Ч.) не находили гор, чтобы построить кар или крепость, там они хватали рукою за пригорок, вытягивали его кверху до величины горы и на этой горе поселялись [со своими товарищами, такими же богатырями, как и сами князя]» [Первухин 1889:9].

1.1. Перед нами обобщение, основанное, по-видимому, на информации, предоставленной Н. Г. Первухину удмуртским крестьянином из д. Умск (удм. Безум) Иваном Перевошиковым. Будучи практикантом Люмского министерского училища последний помогал Н. Г. Первухину в сборе исторического материала [Первухин 1886:5]. В частности, в отношении основания *Гурьякарского* и *Весьякарского* городищ у местного населения им был записан следующий рассказ: «они (богатыри – В. Ч.) подняли и самые эти горы, тогда как прежде здесь было ровное место, [но как поднимали богатыри эти горы, предание ничего не говорит]» [Первухин 1886:52].

* * *

2.1. [Они проводили свое время в занятиях охотой, земледелием и промыслами, и нередко ссорились с соседними богатырями, сражаясь с ними перебрасыванием на соседнее городище целых бревен или больших железных гирь].

2.2. Так, Гурьякарские богатыри перекидывались с Весьякарскими богатырями бревнами,

2.3. а с Балезинскими 40 пуд. гирями.

2.4. Иднакарские богатыри кидали гири в несколько десятков пудов в Сепычкарских богатырей,

2.5. а богатыри Селтакарские в свою очередь кидали бревна в Иднакарских богатырей [Первухин 1888:9].

2.1. Сюжет относительно занятий богатырей является полностью плодом творчества Н. Г. Первухина (подробнее об этом см. комментарий 1.2. к III части). Противоборство богатырей, выразившееся в перебрасывании бревнами, камнями и железными гириями – распространенный мотив удмуртских преданий (см. ниже, а также: [Напольских 2008]), позволивший Н. Г. Первухину сделать процитированное обобщение.

2.2. Использовано, по-видимому, либо видоизмененное сообщение старика-татарина Гусмана из расположенной по соседству с д. Гордино (удм. Гурьякар) д. Кестым: «Богатыри, жившие на этих кар'ах были настолько велики ростом, что с Гурья-кара своими топорами срубали деревья на Весья-каре, [хотя расстояние здесь до 6-и верст]» [Первухин 1886:51-52], либо какое-то предание, записанное Н. Г. Первухиным в 1887 или 1888 г. во время его личного ознакомления с Гурьякарским городищем (в рукописи «Краткий очерк кладовищ...» автор сообщает следующее: «На обоих этих городищах сам я лично не был, а описание их составлено по рассказам солдырского крестьянина-вотьяка Будина» [Первухин 1886:55]).

2.3. С некоторыми преданиями, связанными с Балезинским (Чертовым или Узьякарским) городищем, в частности с легендой, повествующей об утоплении местного князя его восставшими подданными, Н. Г. Первухин познакомился еще в 1885 г. [Первухин 1886:39; его же, 1889:7-8; его же 1896:50-51]²⁴. Однако в рукописи 1886 г. мы не находим каких-либо упоминаний о былой вражде гурьякарских и балезинских богатырей. Лишь в статье «Опыт археологического исследования...» сообщается, что «предания указывают также на сношения богатырей Гурья-карских с Весья-карскими (мирные) и Узья-карскими (военные)» [Первухин 1896:53]. Очевидно, эти сведения Н. Г. Первухин почерпнул уже после 1886 г., когда впервые в 1887 или 1888 г. посетил городище Гурьякар и произвел на нем «личные исследования» [Первухин 1886:55; его же, 1896:53].

2.4. Сообщено Н. Г. Первухину практикантом Люмского министерского училища Иваном Перевошиковым, мать которого была из Сепычкарского починка (удм. Гондыргурт). «Игна-карские богатыри бросали большие железные гири и на левый берег Чепцы, на Сепыч-кар, [– хотя и не известно зачем и почему]» [Первухин 1886:52, 69].

2.5. Городище Селтакар было впервые обнаружено и обследовано Н. Г. Первухиным в 1888 г. [Отчет 1890:114]. По-видимому, во время этих рас-

²⁴ Сравнительный анализ текста этой легенды, опубликованной в IV выпуске «Эскизов...», и лежащих в ее основе «полевых» записей, представленных в «Кратком очерке кладовищ...» и «Опыте археологического исследования...», со всей очевидностью свидетельствует о характере «редакторской» работы Н. Г. Первухина над своими первоисточниками.

копок исследователь и записал у жителей соседних деревень предание, согласно которому «богатыри Селтакарские кидали бревна в Иднакарских богатырей, [с которыми у них почему-то вражда была особенно часто]» [Первухин 1896:88].

* * *

3.1. [Верст на 8 ниже Идна-кара по Чепце], в особом городе жили также богатыри [(по всей вероятности, принадлежавшие к дружине Донды)].

3.2. Эти богатыри раз поспорили с богатырями Идна-карскими, что у них и силы больше, и луки лучше, чем у Идна-карских, и что поэтому они стреляют дальше, чем последние. А в то время Идна-карским богатырям принадлежал земельный участок немного ниже по течению Чепцы, [рядом с земельными участками Дондинских богатырей.] И побились богатыри между собою о заклад на это место так: если Идна-карские богатыри выстрелят дальше, то Дондинские уступят им свой город и уйдут на другое место; а если они выстрелят дальше Идна-карских, то Идна-карские навеки уступают даром им свой земельный участок. В назначенный день богатыри стрельнули каждый с своей горы по направлению к горе соперников, но стрелы Идна-карских богатырей долетели только до половины расстояния между горами,

3.2.1. воткнувшись, впрочем, здесь в землю так сильно, что образовался пригорок [(ныне называемый «Вишвая горка»)].

3.2.2. Богатыри же дондинские выстрелили так удачно, что все стрелы их попали в сосны, [росшие у Идна-карских стен]. Таким образом заклад был выигран ими, и землю, полученную ими от Идна-карцев, они назвали «Утэм» [(что значит: выигранный)] и основали здесь новый «кар» [Первухин 1888:9-10].

3.1. Отнесение безымянных богатырей к «дружине Донды» сделано Н. Г. Первухиным исходя из общего контекста «Легенд о богатырях Дондинского круга». Согласно информации, предоставленной Н. Г. Первухину учителем Люмской школы Николаем Южаковым, эти богатыри именовались богатырихинскими – по названию д. Богатырской (удм. Утэм), возле которой и находилось городище, известное местному населению под названием Утэмкар, являвшееся, согласно преданию, предметом спора богатырихинских и иднакарских богатырей (см. п. 3.2.).

3.2. Данный рассказ основан на сведениях, которые сообщил Н. Г. Первухину учитель Люмской школы Николай Южаков. Последний, в свою очередь, получил их от крестьян д. Богатырской (см. также п. 3.2.2.): «[Самое происхождение вотского названия Богатырихи – Утем – предания объясняют так:] богатырихинские богатыри вызвали раз на состязание богатырей игна-карских «кто-де дальше выстрелит из лука, тому и будет принадлежать Богатырская гора». Игна-карцы согласились. Но богатырихинские богатыри пустили стрелы до самого Игна-кара, а стрелы Игна-карских богатырей упали

как раз на половине расстояния, после чего и гора, из-за которой богатыри состязались, назвалась Утем – выигранная [(от слова утыны = выиграть)]» [Первухин 1886:4, 52].

3.2.1. В предании, зафиксированном Николаем Южаковым (см. п. 3.2.), не сообщается о том, куда именно упали стрелы иднакарских богатырей. Определение конкретного места их падения сделано самим Н. Г. Первухиным. Протицируем последовательность его рассуждений: «Вшивая горка»²⁵ составляет как раз среднюю точку между Утемом и Игна-каром и таким образом является тем самым (местом – В.Ч.), где, – по приведенному выше преданию, – упали стрелы игна-карских богатырей во время состязания их с богатырями утемскими» [Первухин 1886:52-53]. Однако, если в статье «Краткий очерк кладовищ...» Н. Г. Первухин сообщает: «Не слышно и никаких преданий об этом месте» [Первухин 1886:59], то уже в «Опыте археологического исследования...» он настаивает, что «Вшивая горка» была обозначена в качестве места падения стрел иднакарских богатырей его информантами: «Легенды, слышанные нами от старожилков Понинской вол<ости>, и указывающие, что на этом месте пали стрелы Иднакарских богатырей, которые вздумали состязаться в стрельбе с богатырями Утемскими, а также легенды о том, что здесь проходил мост к Иднакару (на котором погиб Идна), только эти легенды дают основание причислять эту небольшую возвышенность к городищам» [Первухин 1896:72]. Вполне возможно, что подобное «уточнение» было сделано на основании «легенд», возникших у местных жителей в результате «наводящих» распросов Н. Г. Первухина.

3.2.2. Вероятно, подробности о стрелах, которые якобы попали в сосны у «иднакарских стен», появились после того, как Н. Г. Первухин, ознакомившись с преданием, записанным Николаем Южаковым у жителей д. Богатырской (см. п. 3.2.), попытался дополнительную информацию получить уже у крестьян д. Солдырь: «[Об этих соснах (на городище Иднакар – В.Ч.) солдырские старики говорили, что] в них до сих пор сохраняются следы прострела на вылет и глубоко ушедшие в дерево наконечники стрел»²⁶ [Первухин 1886:57]. От себя добавим: было бы наивно полагать, что сосны, росшие на площадке Иднакарского городища в конце XIX в., пустили свои корни в начале II тыс. н. э.

* * *

4.1. [На другой стороне реки, за Чепцою, владения Идны граничили с Селта-каром]

²⁵ «находящееся против города Глазова (на правом берегу Чепцы – В.Ч.) небольшое возвышение, поросшее лесом, окруженное со всех сторон болотом и известное у глазовцев под названием «Вшивой горки». **Вотяки в настоящее время для этого места отдельного названия не имеют...**(выделено нами – В.Ч.)» [Первухин 1886:58]

²⁶ Впрочем, читаем дальше, упомянутые старики «указать нам точно, где именно видели они эти стрелы уже не могли, а наши, довольно долгие личные изыскания не открыли ничего» [Первухин 1886:57].

4.2. [и в деревне Верхне-Парзинской, Ключевской волости,] одна возвышенность до сего времени носит название «Идна-кар дзэзи» - [т.е. Иднакарские ворота] [Первухин 1888:10].

4.1. Заключение о том, что владения богатыря Идны (sic!)²⁷ доходили до Селтакара Н. Г. Первухин сделал на основе записанного им в 1888 г. предания, в котором говорилось, что «богатыри Селтакарские кидали бревна в Иднакарских богатырей» [Первухин 1896:88]. (См. также п. 2.5.).

4.2. Сведения о городище, известном местному населению как «Иднакар дзэзи» (удм. *Иднакар резы*), что значит «Иднакарские ворота»²⁸, были получены Н. Г. Первухиным поздним летом 1888 г. [Первухин 1896:69, 111]. Примечательно, что в соседнем с д. Большой Парзинской (именно так указывается ее название в статье «Опыт археологического исследования...») с. Верхнепарзинском Б. Г. Гавриловым была записана легенда «Идна-батыр».

* * *

5.1. Зимой Селта-карские богатыри надевали на ноги серебряные лыжи для посещения богатырей «Кар-ила» у деревни Карыльской, причем лыжи эти были так устроены, что они в один миг пробегали пространство [верст до 20, заключающееся между этими 2-мя городищами]» [Первухин 1888:10].

5.1. Во время раскопок на Селтакаре в 1888 г. Н. Г. Первухин записал такое предание: «Зимой Селта-карские богатыри надевали серебряные лыжи, имевшие волшебную силу в один миг переносить вступивших на них через пространство [верст 20]; на этих лыжах бегали эти богатыри по окрестностям, а чаще всего бегали к богатырям, жившим на Кар-иле, [близ дер. Карыльской]» [Первухин 1896:88].

* * *

Очевидно, что вторая часть «Легенд о богатырях Дондинского круга» основывается не менее чем на 8-9 различных, не связанных между собою преданиях, записанных у разных лиц в период с 1885 по 1888 гг. При этом значительный объем этой части занимают те или иные обобщения, предположения, дополнения и комментарии самого Н. Г. Первухина. Поскольку все вышеприведенные предания являются оттопонимическими, то вполне естественно, что появиться они могли не ранее возникновения соответствующих географических

²⁷ В данном случае Н. Г. Первухин самостоятельно производит выделение имени богатыря из соответствующего топонима, упомянутого в предании.

²⁸ Можно предположить, что такое название данная местность получила по причине того, что кто-то из жителей д. Солдырь (удм. *Иднакар*) имел там земельный участок, обрабатываемый наездом. При этом перед въездом на само поле могли быть установлены *полевые ворота* (удм. *бусы жэзы*).

названий. На основании сохранившихся данных писцовых описаний и подворных переписей, проводившихся на территории Каринского стана Вятского воеводства, в состав которого входила интересующая нас территория, можно сделать нижеследующие наблюдения. В материалах дозора 1615 г. фигурируют – *погост на городище на Солдарском* (удм. *Иднакар?*²⁹), *д. Богатырская* (удм. *Утэм?*), *займище на Гординском городище* (удм. *Гурьякар?*); в писцовом описании 1629 г. встречаем *городище Весинское* (удм. *Весьякар?*); в подворной переписи 1648 г. упоминается название реки *Сеныч*, на берегу которой, согласно Ландратской переписи 1717 г., располагалась довольно большая *д. Сенычкарская* (удм. *Сенычкар* или *Кохыш*), которая, впрочем, не была упомянута в переписной книге 1678 г. Таким образом, не смотря на то, что в указанных документах мы не встретили ойконима *Селтакар*, можно считать, что соответствующая топонимическая основа рассмотренных преданий сформировалась в XVI – XVII вв., собственно тогда, когда бассейн Чепцы начинает активно осваиваться удмуртским крестьянством [Чураков 2007б].

Часть III.

Эту часть «Легенд...» составляют фольклорные произведения, которые можно отнести к числу преданий об основателях селений. В качестве имен действующих лиц здесь выступают чистые основы соответствующих названий городищ³⁰: *Донды-кар*, *Идна-кар*, *Весья-кар*, *Гурья-кар*, *Зуй-кар*, *Эбга-кар*, *Чибинь-кар*, где удм. *кар* ‘город; городище’. Причем некоторые из них изначально, вероятно, не являлись антропонимами: *Дондыкар* – ‘городище над р. Дондой’, *Зуйкар* – ‘городище над р. Зуй(-шур) (удм. *шур* ‘река’)', *Эбгакар* – ‘городище во владениях д. Эбга (оф. Нижняя (Красная) Слудка, удм. Вуж Эбга)’³¹. В то же время, такие названия как *Иднакар*, *Гурьякар*, *Весьякар* (?), *Чибинькар* действительно могли образоваться от мужских антропонимов³², в частности: *Идна(т)* < *Игнат* (см. выше), *Гордей* (?) (оф. Гордино, удм. Гурья-кар), *Вася* (?)³³, *Чибинь*. Не вдаваясь в более глубокое исследование обстоятельств появления этих

²⁹ Здесь и далее после удмуртского топонима мы ставим знак «?», поскольку не можем быть до конца уверены, что в указанный период они были эквивалентны соответствующим русским названиям.

³⁰ Поскольку эти предания, как и предания лежащие в основе II части, являются *оттопонимическими*, то и возникнуть они могли также не ранее XVI – XVII вв. (см. итог ко II части).

³¹ Впрочем, в последнем случае ойконим Эбга восходит к удмуртскому родовому имени, образованному от прозвища его родоначальника *Эбек* < *эбек* ‘лягушка’ [Чураков 2005, 2007]. Еще и сейчас местные жители сообщают, что «Люди этой округи: и из [села] Люм, и из всех маленьких деревень близ Люма – все они, оказывается, выходцы из рода Эбга (*Эбга выжыысь*)» [Карпова 2005:130].

³² Показательно с точки зрения общей хронологии легенд и преданий так называемого *Дондинского цикла*, что в названии ряда городищ можно выделить антропонимы, входящие в православный именник.

³³ Среди местных жителей бытует такое объяснение названия ныне заброшенной д. *Весьякар*: «Вася, пе, вылэм ни но Васьякар карем» – «[человек по имени] Вася, мол, был и [деревню] Весьякар (= 'городище Васи') назвал [Карпова 2005:206]».

названий (вопрос о хронологии мы уже рассмотрели), приведем лишь выдержку из работы того же Н. Г. Первухина, указывающего один из возможных способов образования подобных топонимов. В отношении городищ *Ошаккар* и *Садейкар* он пишет соответственно: «Имя «Ошак», придаваемое ныне слову «кар», явилось сравнительно недавно, а именно когда один из местных крестьян, имевший прозвище «Ошак», лет 50 тому назад начал распахивать это место», «(название – *В. Ч.*) Садей дано городищу, по словам местных жителей, лишь по тому крестьянину, который первый расчистил это место для пашни» [Первухин 1896:40, 60].

В отличие от предыдущих, данная часть «*Легенд...*» не составляет единого фрагмента, а как бы «обволакивает» своим текстом содержание двух других, намечая тем самым общий сюжет и создавая иллюзию целостной композиции всего произведения. Воспользовавшись подобной «подсказкой» Н. Г. Первухина, рассмотрим отдельно каждый сегмент третьей части по тому же принципу, который был реализован нами при анализе предыдущей.

* * *

1.1. <начало «Легенд...»> [*В давно прошедшие годы на «Сордырь»³⁴ откуда-то пришел жить богатырь-вотьяк по имени Донды, прибывший сюда с двумя сыновьями: Идна и Гурья. На Сордыре семья Донды умножилась рождением ему еще нескольких сыновей, между которыми можно указать Весья и Зуй. Сыновья эти подрастали, женились и, наконец, им стало уже тесно жить в одном месте; тогда Донды пошел с младшими сыновьями вверх по небольшой речке (с тех пор носящей его имя) и, верстах в пятнадцати к СЗ., основал новую свою резиденцию, которая получила имя Донды-кар. Идна остался на отцовском пепелище, а Гурья поднялся вверх по реке].*

1.2. [*Здесь всякий из них сделался владетельным князем, но жизнь свою повели они разно: Гурья занялся главным образом земледелием, Идна – охотой, а Донды – частью земледелием, а главное промышленностью и торговлею].*

1.3. [*На новом месте Донды жил много лет. За одного из своих сыновей взял он умную и красивую девушку Эбгу и настолько полюбил свою молодую сноху, что сыновья заподозрили даже его в противузаконной связи с нею и, не исследовав хорошенько дела, поссорились со стариком отцом и ушли от него все в разные стороны, где основали новые города, [крепости, на высоких угорах, недалеко от какой-нибудь реки или речки] <начало II части>*

³⁴ Н. Г. Первухин избирает данный вариант топонима *Солдырь*, поскольку считает его изначальным, образованным от «двух вотских слов: «сор» = шум, ссора, брань и «дыр» время, период времени. Сордырь = время ссор, период брани» [Первухин 1886:56]. Эта «этимология» «удачно» укладывается в развиваемую им концепцию «ссоры» в семействе Донды. С лингвистической точки зрения построения Н. Г. Первухина беспочвенны. Происхождение топонимов типа *Солдырь*, *Юлдырь* пока не имеет удовлетворительного объяснения. Вариант *Сордырь*, по-видимому, возник в результате уподобления звука *л* первого слога звуку *р* второго.

1.1. В рукописи «*Краткий очерк кладовищ...*» Н. Г. Первухиным приводятся два разных предания, в которых фигурирует богатырь Донды и его семья. Из рассказов «жителей Понинской и Люмской волостей», переданных Н. Г. Первухину, вероятно, Николаем Южаковым³⁵, следует, что Донды являлся **отцом** Игна (Идна) и Весья и жил на Дондыкаре («Донды, [– по рассказам жителей Понинской и Люмской волостей, –] был очень сильный человек и у него было два сына Игна и Весья» [Первухин 1886:48]). При этом, по мнению Н. Г. Первухина, младшим сыном Донды был Игна (Идна)³⁶ [Первухин 1896:68]. В другом предании, рассказанном Н. Г. Первухину жителями д. Солдырь, Донды оказывается **братом** (sic!) Игны (Идны) и Гурья, а в качестве их общего первоначального места проживания называется гора Солдырь («Игна [(или Идна)], Донды и Гурья были братья и жили сначала на Солдыре, но потом почему-то поссорились между собою и разошлись, – причем один брат остался на месте и основал «Игна-кар», другой ушел вверх по реке и основал «Гурья-кар», а третий отошел в сторону и основал «Донды-кар». Все эти братья были богатыри и князя окрестной стороны. От солдырцев же Н. Г. Первухину удалось получить необходимое ему заключение, что «Зуй, должно быть, был сын Донды» [Первухин 1886:52]). Сравнение текста рукописи 1886 г. с «Легендами о богатырях Дондинского круга» показывает, что, взяв за основу более интересное по содержанию первое предание (в котором появляется еще один действующий персонаж – Эбга, см. п. 1.3.), Н. Г. Первухин в качестве основного места действия избрал фигурирующую во втором предании гору Солдырь, искусственно создав тем самым такой образец «устного народного творчества» чепецких удмуртов, которого не существовало в реальности.

1.2. Данный пункт не имеет фольклорных параллелей и полностью основывается на предположениях Н. Г. Первухина. Тема «занятий» богатырей отсутствует в «Кратком очерке кладовищ...» и впервые обнаруживает себя только в статье «Опыт археологического исследования...»: «Гурья стал вырубать леса и пахать землю, Игна проводил время в охоте и набегах на соседей, а старик Донды, не покидая на новом месте земледелия, занялся главным образом торговлею и промышленностью» [Первухин 1896:62]. Проследим, как же появился процитированный фрагмент, легший в основу соответствующего места «Легенд...». Собственно в отношении Идны все предельно ясно: в предании, записанном Б. Г. Гавриловым, прямо говорится, что этот богатырь а) «**ежедневно** (выделено нами – В. Ч.) ходил на охоту», б) «захотел быть царем над вотяками в своей стороне» [Гаврилов 1880:153]. Чтобы понять, почему Гурья занялся «главным образом земледелием» достаточно обратить внимание на рассказ о деперсонифицированных *весьякарских* и *гурьякарских* богатырях, находящийся в «Кратком очерке кладовищ...»: «Богатыри, жившие на этих карах были на-

³⁵ Н. Г. Первухин в своей неопубликованной статье отмечает, что Николай Южаков «передал мне очень много легенд о понинских и люмских городищах» [Первухин 1886:4].

³⁶ В «Опыте археологического исследования...» читаем рассуждения Н. Г. Первухина о том, что «старик Донды» оставил Идну «хозяйничать на родном пепелище именно как младшего сына (по обычному праву вотяков)» [Первухин 1896:68].

столько велики ростом, что с Гурья-кара своими **топорами срубали** (выделено нами – В.Ч.) *деревья на Весья-каре*» [Первухин 1886:51]. Если теперь это сравнить с текстом в «*Опыте археологического исследования...*» (см. выше), то станет вполне очевидным, каким образом Гурья стал земледельцем: фольклорное преувеличение, призванное показать огромную силу, которой были наделены *весьякарские* и *гурьякарские* богатыри, Н. Г. Первухиным было интерпретировано в качестве указания на занятие Гурьей (sic!) подсечным земледелием. Наконец, Донды не мог не заниматься помимо земледелия (на это «ясно» указывают предания о жителях д. Кляпово (удм. *Кляпгурт*), работавших на полях *дондыкарцев* (sic!), см. п. 2.2. [Первухин 1889:10]) еще торговлей и промышленностью, поскольку на *Дондыкаре*, как сообщает Н. Г. Первухин в отчете о результатах своих раскопок, было обнаружено множество костяных, бронзовых и железных вещей, а также «семь серебрянных гривен», «серебряные блюда» и другие ценности [Первухин 1896:63] – то есть те предметы, которые свидетельствуют о ремесленном производстве и торговых контактах.

1.3. В основе данного пункта предание, переданное Н. Г. Первухину по всей видимости Николаем Южаковым: «*Эбга – жена одного из сыновей Донды (которого – не известно) была заподозрена братьями в нарушении супружеской верности и едва ли не в кровосмесительной связи с Дондой, вследствие чего сыновья отделились от отца и основали селения: Игна-кар и Весья-кар, а Эбга также не осталась с отцом, а основала селение «Эбга-кар»*» [Первухин 1886:49]. Вполне очевидно, что в оригинальной версии Эбга могла быть женой либо Идны, либо Весьи, однако в результате соответствующей переработки фольклорных источников, предпринятой Н. Г. Первухиным (см. п. 1.1.), получился такой вариант предания, в котором Эбга являлась женой либо Весьи, либо Зуя.

* * *

- 2.1.** <конец II части>[У Донды было 2 главных места поселения: *Донды-кар* и *Донды-гурт*, верстах в 6-ти одно от другого,]
- 2.2.** [и окрестные селения платили ему дань, отчасти произведениями, а отчасти работою]. До сего времени указывают близ *Донды-кара* следы старой дороги от *Донды-кара* к деревне *Кляпгурт*, жители которой будто бы ежедневно ходили к *Донде* работать на его полях.
- 2.3.** *Донды* обыкновенно разъезжал на сивой лошади, чрезвычайно быстрой, сильной и легкой, которая могла перескочить через всякую реку, не нуждаясь в мостах,
- 2.4.** [и дожил до глубокой старости, когда его зарезали клеветы снохи его *Эбги*.]
- 2.5.** Но едва только *Донды* испустил последний вздох, как был *Инмаром* превращен в белого лебедя, и в этом образе до настоящего времени покровительствует всем вотякам, которые не забывают его помянуть. [О судьбах *Гурья*, *Весья* и разных других сыновей *Донды*, а также и об их смерти ничего нельзя сказать; известна только судьба *Идны* и *Эбги*]

[Первухин 1888:10] <начало I части>

2.1. Вывод Н. Г. Первухина о двух «главных местах» поселения Донды, безусловно основывается на «выделении» имени богатыря из состава соответствующих ойконимов.

2.2. Сюжет о зависимости «окрестных селений» от Донды (sic!) является переработкой полученной Н. Г. Первухиным в 1887 или 1888 г. информации о том, что *«местные жители указывают какую-то старую тропу, направляющуюся от городища к северо-западу и по виду похожую на часть запущенного тракта с выкопанными по обе его стороны канавцами, имеющего ширины не более 2 сажен. По этой дороге, говорят, в древности ходили на городище для крестьянских работ жители деревни Кляпо-гурт, бывшие в подчинении у Донды-карцев»* [Первухин 1896:61]. Понятно, что описанная «тропа» не могла сохраниться со времен функционирования городища *Дондыкар*.

2.3. Данный сюжет фигурирует только в «Легендах...», отсюда можно сделать вывод, что, скорее всего, это предание было записано Н. Г. Первухиным летом 1888 г.

2.4. Повествование об убийстве Донды появляется в статье «*Опыт археологического исследования...*»: «*Донды дожил до глубокой старости, когда был убит клеветами своей снохи Эбги*» [Первухин 1896:62]. Источник данного пункта не известен. В свете разбора следующего, третьего блока данной части «Легенд...» (см. п. 3.3.), мы склонны рассматривать его в качестве авторского вклада Н. Г. Первухина.

2.5. Рассказ появляется в статье «*Опыт археологического исследования...*»: «*Но едва только он испустил последний вздох, бог превратил его в белого лебедя и в этом виде он до настоящего времени покровительствует всем вотякам, которые об нем помнят*» [Первухин 1896:61-62]. В настоящий момент мы не можем сказать, как в «Легенды...» попал сюжет с посмертным перевоплощением Донды. Возможно, в период проведения раскопок на *Дондыкаре* в 1887 или 1888 г. Н. Г. Первухину действительно удалось вместе с преданиями о работе жителей д. Кляпово на полях *дондыкарцев* записать и это поверье. Впрочем, учитывая его значительный авторский вклад при подготовке сводного текста «Легенд...», в чем мы уже неоднократно могли убедиться, отметим, что Н. Г. Первухину, вероятно, была знакома статья Н. Афонасьева «*Праздник «лебедей» у вотяков-язычников*» [Афонасьев 1881], из которой он мог почерпнуть соответствующую идею.

* * *

3.1. <конец I части> [*Сноха Донды, Эбга, жившая сначала, после семейного разлада, при Донде, через приближенных лиц убила своего мужа, мстя ему за позорное обвинение в кровосмешении со свекром, и Донды, узнав об этом, прогнал ее от себя*].

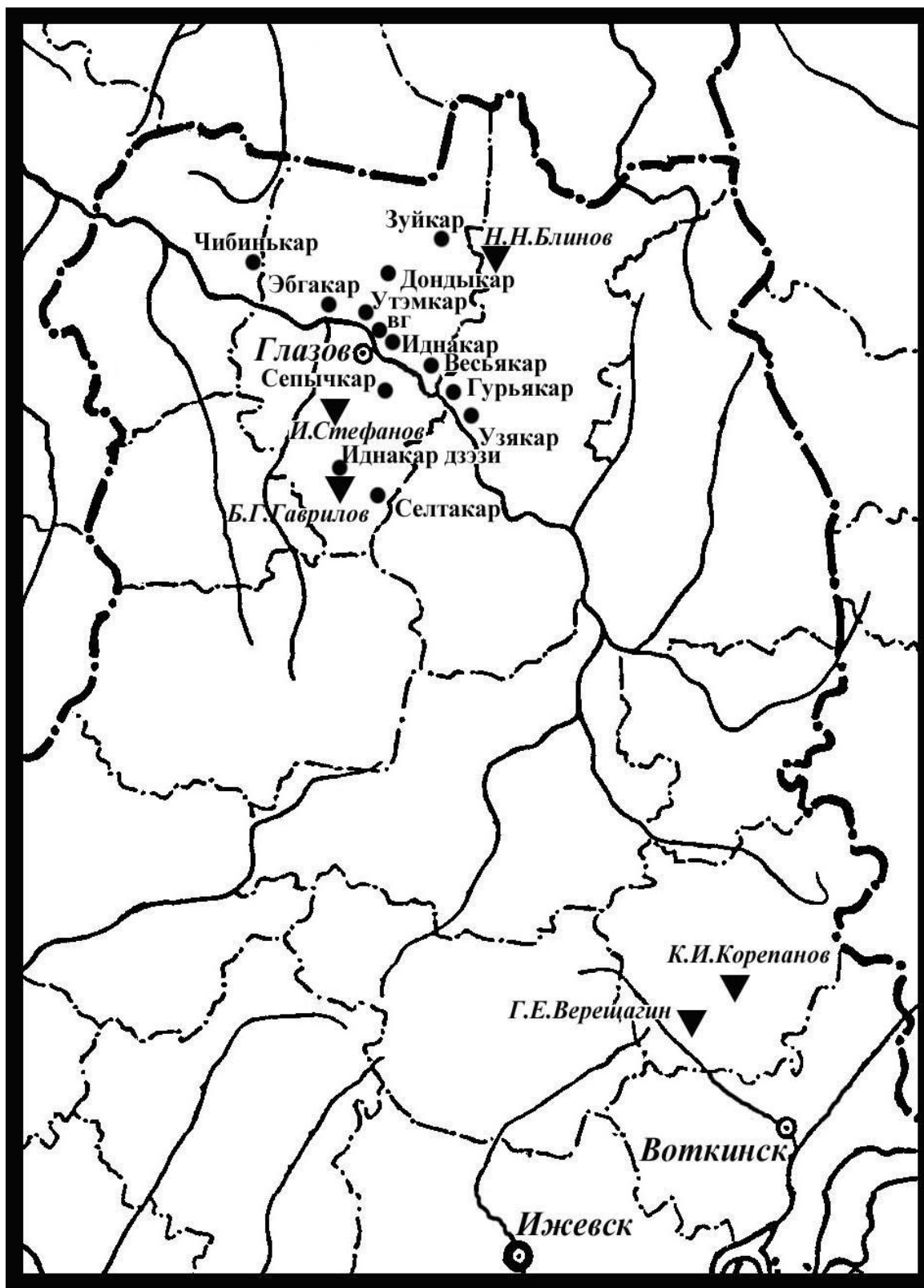
3.2. [*Тогда она со своими приближенными основала Эбга-кар, вероятно на*

границе тогдашних владений Донды; но и после этого она сохранила, по-видимому, некоторые сношения со своим свекром, так как, когда] через несколько лет [ее вдовой] жизни она, неизвестно от кого, родила сына, то именно дед, Донды, был призван дать новорожденному имя. К крайнему гневу Эбги, Донды назвал своего незаконного внука: «Чибинь» [(что по-вотски собственно значит: «комар», но в переносном смысле может значить «ничтожный человек, не заслуживающий уважения») и, дав ему в удел участок земли, подальше от своего города и даже вдали от города его матери (где и возник Чибинь-кар)].

3.3. [Возмущенная ли этим именем, или почему-либо другому, Эбга, через своих клеветов зарезала старика своего свекра,]

3.4. [но тот, умирая, успел ее проклясть, присудив ей, чтобы она], после своей смерти, вечно жила в сырых и темных подземельях Эбга-кара, выходя оттуда только один раз в год. Сама Эбга в конце концов была утоплена в Чепце кем-то [(по всей вероятности мстителями за смерть Донды), но, согласно с проклятьем Донды], продолжает жить и до сих пор в Эбга-карской горе, только раз в год [(неизвестно, когда именно)] выходя оттуда на старую ветвистую елку в одном белье, которое здесь она и просушивает от сырости.

3.5. [О судьбе Чибиня и о других богатырях этого круга неизвестно ничего.]

- - городища, упомянутые в “Легендах о богатырях Дондинского круга” (ВГ - “Вшивая горка”)
- ▼ - предания об Идне не связанные с топонимом Иднакар с указанием авторов записей

Рис 1. Картография «Легенд о богатырях Дондинского круга»

<конец «Легенд»>

Основу данного блока составляют несколько не связанных друг с другом преданий «жителей Понинской и Люмской волостей», переданных Н. Г. Первухину, по всей видимости, учителем Люмской школы Николаем Южаковым. Для удобства последующего анализа приведем их в том виде, как они представлены в «Кратком очерке кладовищ...», заключая, как и прежде, комментарии Н. Г. Первухина в квадратные скобки:

1. *«Донды этот, [по рассказам жителей Понинской и Люмской волостей,] был очень сильный человек и у него было два сына Игна и Весья. Эбга – жена одного из сыновей Донды (которого – не известно) была заподозрена братьями в нарушении супружеской верности и едва-ли не в кровосмесительной связи с Дондой, вследствие чего сыновья отделились от отца и основали селения: Игна-кар и Весья-кар, а Эбга **также не осталась с отцом** (здесь и далее выделено нами – В. Ч.), а основала селение «Эбга-кар»...*

2. *[По рассказам некоторых], она не хотела жить с мужем потому, что была жестоко оскорблена совершенно неосновательным подозрением в ее неверности. Впрочем, живя около 3-х лет **в разлуке с мужем** она родила сына (от кого не известно) и сына этого Донды назвал Чибинь. Чибинь по-вотски значит – комар, но имеет и бранное значение в смысле ничтожный, презренный человек. Донды дал такое имя сыну Эбги за его незаконное рождение и за это же, а **также желая удалить его не только от Игна и Весья, но и от себя**, дал ему для поселения место на краю своих владений...*

3. *[Как кончила свою жизнь Эбга предания не согласны: по некоторым] – она умерла в старости;*

4. *[по другим же] была кем-то утоплена.*

5. *[Последнее предание устойчивее, так как до сих пор у местных жителей существует поверье], что весной (по вскрытии рек) и осенью (перед временем их замерзания) Эбга выходит откуда-то на старую ель, стоящую недалеко от деревни Красно-Слудской и от большой дороги ближайшей к Эбга-кару, для того, чтобы просушить свое белье»*

3.1. Эти подробности (проживание Эбги при Донде после ссоры отца с сыновьями, убийство Эбгой своего мужа и последовавшее за этим изгнание ее Дондой) присутствуют только в «Легендах о богатырях Дондинского круга». Очевидно, что они противоречат первым двум преданиям (см. выше), записанным Николаем Южаковым, согласно которым, Эбга покинула Донду сразу же после ссоры отца с сыновьями и на момент рождения у нее сына (*от кого не известно*), муж ее был жив.

3.2. В основе второй рассказ «некоторых» жителей Люмской и Понинской волостей (см. выше).

3.3. Рассказ об убийстве Донды, очевидно, не имеет фольклорной основы. В статье «Опыт археологического исследования...» он представлен в следующем виде: «(Чибинь – В. Ч.) так назван был стариком Дондою незаконнорожденный

сын его снохи и любимицы Эбги и по преданию это название настолько обидело его мать, что она, выждавши удобный случай, подслала убийцу, без сожаления лишивших жизни старого Донду» [Первухин 1896:82-83]. По-видимому, стремясь свести воедино разрозненные предания, в которых фигурировали нареченные персонажи, Н. Г. Первухин именно в развитии темы «убийства» нашел возможный путь к достижению этого. Способствовали реализации данной, домысленной публикатором, трактовки «легендарных» событий и сами предания: семейная ссора (мотив, часто встречающийся в рассказах об образовании новых населенных пунктов), насильственная смерть Эбги (мотив «насильственной смерти» встречается в рассказах о зарытых кладах (ср. про эбгакарские «подземелья» у того же Н. Г. Первухина), либо в случаях, когда персонаж предания, подобно Эбге, не нашел посмертного успокоения), наречение обидным прозвищем (мотив, вызванный попыткой объяснить происхождение того или иного «неблагозвучного» названия).

3.4. В основе данного пункта 3, 4 и 5 рассказы «жителей Понинской и Люмской волостей» (см. выше). Вполне очевидно, что смерть или гибель Эбги в этих преданиях не связывается с «проклятием» Донды. Такую увязку, безусловно, сделал сам Н. Г. Первухин, развивая тему *убийства* (см. выше п. 3.3.).

3.5. В данном случае перед нами констатация Н. Г. Первухиным факта отсутствия в его распоряжении каких-либо дополнительных преданий, связанных с *Чибинькаром* и другими городищами данного региона.

* * *

Таким образом, анализ III части «*Легенд...*» показал, что ее основу составляют рассказы «жителей Понинской и Люмской волостей», переданные в течение 1885-1886 гг. Н. Г. Первухину учителем Люмского министерского училища Николаем Южаковым, а также дополнительные, по отношению к ним, сведения, полученные самим исследователем у местного населения в период изучения *Иднакарского* и *Дондыкарского* городищ (1886-1888 гг.). Типологически схожие предания этой части, тем не менее, не являются фрагментами оригинального «цикла о богатыре Донды» и превратились в единый рассказ лишь в результате целенаправленного творчества Н. Г. Первухина, внесшего в свои первоисточники существенные изменения. Ему же мы обязаны и появлением полного «драматизма» сюжета этой части, который, вместе с другими отмеченными выше особенностями публикации Н. Г. Первухина, и прежде давал повод некоторым авторам высказывать сомнения относительно фольклорного происхождения «*Легенд о богатырях Дондинского круга*» в целом [см. напр: Коробейников 2006:38-45; Напольских 2008].

* * *

Общий итог: изучение процесса работы Н. Г. Первухина над циклом легенд о богатырях так называемого «Дондинского круга» дает основание рас-

сма­три­вать опу­бли­ко­ван­ные им «*Ле­ген­ды о бо­га­ты­рях Дон­дин­ско­го кру­га*» в ка­че­стве его ав­тор­ско­го со­чи­не­ния по мо­ти­вам уд­мурт­ских пре­дан­ий. Н. Г. Пер­вухин про­из­вел глу­бо­кую и це­ле­на­прав­лен­ную пе­ре­ра­бот­ку име­ше­го­ся у него фоль­клор­но­го ма­те­ри­ала, в ре­зуль­та­те че­го по­лу­чи­лось про­из­ве­де­ние, не не­су­щее той ис­то­ри­ко-куль­тур­ной ин­фор­ма­ции, ко­то­рая со­дер­жа­лась в его пер­во­ис­точ­ни­ках. Та­ким об­ра­зом, са­ми по се­бе «*Ле­ген­ды...*» не мо­гут быть ис­поль­зо­ва­ны в ка­че­стве фоль­клор­ной иллю­стра­ции в ис­то­ри­ко-археологических исследованиях. В то же время, яв­ля­ясь пер­вым опы­том соз­да­ния ав­тор­ско­го э­пи­че­ско­го про­из­ве­де­ния по мо­ти­вам ус­тно­го на­род­но­го твор­че­ства уд­мурт­ско­го на­ро­да, «*Ле­ген­ды о бо­га­ты­рях Дон­дин­ско­го кру­га*» дол­жны стать об­ъек­том спе­ци­аль­но­го ис­сле­до­ва­ния уче­ных-ли­те­ра­туро­ведов.

Библиография

Афонасьев Н. 1881. Праздник «лебедей» у вотяков-язычников Мамадышского уезда // Известия Русского географического общества. Т. XVII. Вып. 5. СПб. С. 281-286.

Блинов Н.Н. 1865. Ино­ро­дцы се­ве­ро-вос­точ­ной ча­сти Гла­зов­ско­го уез­да // Вятские губер­нские ведомости. Неофициальная часть. №№ 59-67.

Васильев С.Ф., Шибанов В.Л. 1997. Под тенью Зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Ижевск.

Верещагин Г.Е. 1886. Вотяки Сосновского края // Записки Императорского Русского географического общества. Т. XIV. Вып. 2. СПб.

Волкова Л.А. 2007. Краевед и просветитель // *Коробейников А. В., Волкова Л.А.* Историк удмуртской земли Н.Г.Первухин. Информационная структура [Электронный ресурс] – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM 420 Mb) – Загл. с экрана + Рекламно-техническое описание и содержание информационной структуры. – 16 с. ISBN 978-5-7029-0374-3

Гаврилов Б.Г. 1880. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань.

Документы 1958 – Документы по истории Удмуртии XV-XVII веков. Ижевск.

Карпова Л.Л. 2005. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск.

Корепанов Д.И. 1934. Эштэрек // Кылбурет удысын. № 9-10. С. 65-70.

Коробейников А.В. 2006. Новый Иднакар: очерк историко-культурной реконструкции. –Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», – 246 с. ISBN 5-93972-579-1

Режим доступа: [<http://www.archeologia.ru/Library/Book/5a10b682aac5>]

Коробейников А. В., Волкова Л.А. 2007 Историк удмуртской земли Н.Г.Первухин. Информационная структура [Электронный ресурс] – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», – 1 электрон. опт. диск

(CD-ROM 420 Mb) – Загл. с экрана + Рекламно–техническое описание и содержание информационной структуры. – 16 с. ISBN 978-5-7029-0374-3

Луппов П.Н. 1901. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Вятка.

Луппов П.Н. 1911. Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX в. Вятка.

Напольских В.В. 2008. Батыр пезьдэт: кто есть ху? // Кирпичики: культурная антропология и фольклористика сегодня: Сборник в честь 65-летия Сергея Юрьевича Неклюдова. М. С. 29-44. Режим доступа: <http://udmurtology.narod.ru/library/napolskikh/batyrjos.pdf>

Народные сказания 1940 – Народные сказания и легенды о Камите Усманове // Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора при Совнарком Удмуртской АССР. Вып. 9. Ижевск. С. 37-95.

Отчет 1890 – Отчет о состоянии и деятельности Императорского Московского Археологического Общества за 1888–1889 г. // Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества. Т. 13. Вып. II. М. С. 112–116.

Первухин Н.Г. 1886. Краткий очерк кладовищ, встречающихся в Глазовском уезде Вятской губернии и находок, сделавшихся здесь известными // Государственный архив Кировской области. Ф. 574. Оп. 8. Д. 72. Рукопись.

Первухин Н.Г. 1889. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз IV. Следы языческой древности в образцах устной народной поэзии вотяков. Вятка.

Первухин Н.Г. 1896. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. М. Т. II. С. 13-127.

ПСВ 1905 – Повесть о стране Вятской // Труды вятской ученой архивной комиссии. Вып. 3. отд. II. Вятка. С. 1-98.

Путешествие 1971 – Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.) / Большаков О.Г., Монгайт А.Л. М.

Спицын А.А. 1889. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1890 г. Вятка. С. 85-122.

Худяков М.Г. 2004. Дорвыжы : удмурт батырлыко эпос. Ижевск.

Худяков М.Г. 1986. Песнь об удмуртских батырах (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания...) // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы. Устинов. С. 97-135.

Чураков В.С. 2005. Происхождение названий удмуртских родов // Linguistica Uralica. Т. XLI. № 1. Tallinn. С. 43-57. Режим доступа: <http://www.udmurtology.narod.ru/library/churakov/rodov.htm>

Чураков В.С. 2007. Из истории изучения названий удмуртских родов // Этнографическое обозрение. № 4. С. 49-59.

Чураков В.С. 2007а. Предварительный анализ произведения «Легенды о богатырях Дондинского круга» Н. Г. Первухина // Материальная и духовная

культура народов Урала и Поволжья: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию вхождения удмуртского народа в состав Российского государства. Глазов. С.133-134.

Чураков В.С. 2007б. Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X-XVI вв. // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. № 2. С.79-100. Режим доступа: <http://www.idnakar.ru>

Уо Д. 1997. «Анатолиевский сборник» и проблемы вятского летописания // Швды и Русский Север: историко-культурные связи (к 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. Киров. С. 336-354.

Napolskikh V. 2003. On the literary sources of M. G. Khudiakov's Song of Udmurt Heroes // Dynamics of tradition. Perspectives on oral poetry and folk belief. Essays in honour of Anna-Leena Siikala on her 60th birthday 1st January 2003. Ed. by Lotte Tarkka / Studia Fennica Folkloristica, 13. Helsinki.